

— Ваша обязанность руководить и молиться, а наша — исполнять приказанія и сражаться, — возразилъ Чарнецкій. — Дайте мнѣ только людей и не беспокойтесь.

— Все же я вамъ не помѣшаю, — замѣтилъ настоятель.

— Хорошо, хорошо, — проговорилъ шляхтичъ, — идемте же скорѣе и позовемъ солдатъ.

Въ эту ночь орудія еще нѣсколько разъ гремѣли по всей оборонительной линіи, пока наконецъ продрогшіе отъ холода шведы не потушили костровъ и не спустились въ долину.

XVII.

Никогда еще ясногорскіе защитники такъ не удивляли Миллера, какъ въ этотъ день. Съ каждымъ часомъ онъ утверждался въ своемъ предположеніи, что какая-то невѣдомая таинственная сила помогаетъ монахамъ. Солдаты генерала, хотя не высказывали этого вслухъ въ присутствіи начальства, тѣмъ не менѣе почти всѣ вѣрили въ ченстоховскія чары. Союзные имъ поляки постоянно говорили о необыкновенныхъ чудесахъ святыхъ, но шведы, не признавая святости, всѣ неудачи свои приписывали нечистой силѣ.

Давно уже они придерживались такого мнѣнія и потому не особенно охотно шли въ бой. Постоянныя неудачи обезкураживали солдатъ и они все болѣе и болѣе убѣждались въ томъ, что имѣютъ дѣло съ какими-то волшебниками. Дѣйствительно, было что-то поразительное и непонятное въ томъ, что горсть какихъ-то храбрецовъ съ такимъ удивительнымъ успѣхомъ и такъ долго отражаетъ приступы значительнаго и прекрасно вооруженнаго отряда. Булеврины и огромныя картауны, несмотря на свою ужасающую силу, не сдѣлали ни одного пролома, чрезъ который можно было-бы ворваться въ укрѣпленіе. Правда, нѣкоторые снаряды повредили въ двухъ-трехъ мѣстахъ верхнюю часть стѣны и отчасти разрушили одну изъ башенъ, но все-же этого было недостаточно для того, чтобы рѣшиться на генеральный штурмъ. Доставленные громадныя орудія истребляли массу пороха, и Миллеръ принужденъ былъ послать въ Краковъ гонца, съ просьбой доставить какъ можно скорѣе боевые припасы.

Потери въ людяхъ были значительны, не мало также было изъ строя офицеровъ, которымъ часто приходилось подавать примѣръ своимъ подчиненнымъ и идти впереди шеренги.

Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ, Миллеръ призвалъ на совѣтъ всѣхъ старшихъ офицеровъ. Полковники явились въ очень удрученномъ состояніи духа; Вейгардъ тоже явился, но сталъ въ сторонѣ и исподлобья поглядывалъ на генерала. Тотъ былъ въ сильномъ возбужденіи и время отъ времени съ какой-то досадой ерошилъ свои густые усы.

Князь Гесскій съ однимъ изъ офицеровъ игралъ въ кости. — Господа, — проговорилъ Миллеръ, — что же будетъ дальше?

— Разъ вы начали, такъ надо кончать, — флегматично замѣтилъ князь Гесскій.

— Кончать! кончать! говорить это легко, я и радъ-бы окончить, тѣмъ болѣе, что солдаты страдаютъ отъ холода, а между тѣмъ эти окаянные монахи...

— Признайтесь, однако, — сказалъ князь Гесскій, — что они славно защищаются, любо даже смотрѣть...

— Я не отрицаю! — воскликнулъ генералъ, — но вѣдь должны они понять, что фанатизмъ имъ не поможетъ.

— Генералъ, — замѣтилъ Садовскій, — съ фанатизмомъ осажденных надо считаться, такъ какъ онъ удваиваетъ ихъ силы и съ такими людьми намъ, холоднымъ, разсудительнымъ, чрезвычайно трудно бороться.

— Къ фанатизму поповъ и ихъ защитниковъ, — иронически прервалъ Миллеръ, — надо добавитъ очевидные чары; наши солдаты твердо убѣждены въ томъ, что имѣютъ дѣло съ волшебниками.

— Чары? — засмѣялся Садовскій, — это только другое названіе, но сущность одна и та же...

— Такъ или иначе, но войны рассказываютъ, что ночью по воздуху летаютъ какіе-то таинственные голоса, однимъ словомъ, происходитъ что то такое очень странное. Да наконецъ, чѣмъ-же объяснить всѣ постигшія насъ неудачи, если не чарами? Развѣ не удивительно, что десятитысячный отрядъ прекраснаго, храбраго, всюду побѣдоноснаго войска, въ теченіе столькихъ недѣль, не можетъ справиться съ толпою ис-

кателей приключеній въ двѣсти человѣкъ. Неужели это явленіе обыкновенное?

— Господи! — воскликнулъ Вейгардъ, — недостаетъ того, чтобы мы одурманивали себя подобными сказками. Какія тутъ чары?! Вы, генераль, были слишкомъ снисходительны къ монахамъ, слишкомъ великодушны, кромѣ того, былъ недостатокъ въ орудіяхъ... затѣмъ эти злополучные переговоры, недостаточно энергичныя нападенія... но если сдѣлать сильный натискъ...

— А сегодняшій день?

— Огонь былъ плохо направленъ.

— Причина всегда найдется.

— Имѣйте въ виду, генераль, что бомбардировка преимущественно была направлена на сѣверную и южную стороны укрѣпленій, между тѣмъ какъ надлежало болѣе всего обстрѣливать западную часть крѣпости, такъ какъ именно тамъ скорѣе всего удалось-бы сдѣлать проломъ. Необходимо было сосредоточить весь огонь на одной сторонѣ укрѣпленій и разрушать не монастырскія строенія, которыя въ стратегическомъ отношеніи въ сущности не имѣютъ никакого значенія, но громить исключительно самую стѣну.

— Вашъ совѣтъ, графъ, хорошъ, жаль только, что вы даете его слишкомъ поздно.

— Нисколько не поздно. Шпіонъ Вахлеръ...

— Вашъ клеветъ, — прервавъ его, добавилъ Миллеръ.

— Называйте его, какъ вамъ угодно; такъ вотъ Вахлеръ ручается, что западная часть крѣпостной стѣны не выдержитъ и одного дня усиленной бомбардировки, а потому, всѣ имѣющіеся въ нашемъ распоряженіи единороги и кулеврины надо направить именно въ эту сторону, какъ самый слабый пунктъ оборонительной линіи. Мнѣ это извѣстно изъ вѣрныхъ источниковъ, такъ какъ въ монастырѣ мы подкупили одного изъ пушкарей, постъ котораго находится какъ разъ въ той части укрѣпленій и ведемъ тайные переговоры съ осажденнымъ гарнизономъ... Конечно, очень возможно, что вожди ясноторцевъ не сдадутся, но уstraшенная и соблазненная надеждой на добычу толпа...

Миллеръ нетерпѣливо пожалъ плечами.

— Вы панистъ,—возразилъ онъ,—а, между тѣмъ, говорите, что народъ, исповѣдующій католическую религію поддается соблазну и рѣшится ограбить то, что почитаетъ, какъ величайшую святыню!

— Въ такомъ случаѣ, можно соблазнить ихъ другой наградой, обѣщать имъ полную безопасность ихъ жизни и имущества...

— Связываться съ чернью—грязное дѣло! Я возьму монастырь и безъ такихъ помощниковъ, которыхъ потомъ надо стыдиться. Подобные заговоры всегда непрочны и позорны; вамъ въ особенности это слишкомъ хорошо извѣстно.

Вейгардъ нахмурился.

— Однако,—сказалъ онъ,—только благодаря моему Вахлеру, намъ открытъ самый слабый пунктъ оборонительной линіи.

— Согласенъ, будь по вашему; но кто знаетъ, быть можетъ, мы и тутъ потерпимъ неудачу, даромъ только потеряемъ цѣлый день, а хуже всего то, что израсходуемъ массу пороха, котораго у насъ далеко немного; кромѣ того, обративъ исключительное вниманіе на указываемую вами часть оборонительной линіи, мы уже не можемъ особенно угрожать ни церкви, ни...

— Генералъ, здѣсь идетъ дѣло объ укрѣпленіи, а не о церкви.

— Еще разъ согласенъ, попытаемся съ западной стороны. Въ такомъ случаѣ, прикажите, графъ, перевезти туда орудія, сдѣлать соотвѣтственные прикрытія. На фортификаціонныя работы согнать изъ окрестныхъ деревень крестьянъ, такъ какъ незачѣмъ мучить нашихъ и безъ того утомленныхъ солдатъ. Руководство и надзоръ за работами поручить знающимъ и опытнымъ сержантамъ... Завтра, послѣ богослуженія, ударимъ снова на врага.

Въ теченіе всей осады у шведовъ не было ни одного богослуженія, а потому Садовскій, князь Гесскій католикъ и Вейгардъ отчасти съ удивленіемъ взглянули на генерала.

— Вы, быть можетъ, думаете, что у насъ нѣтъ ни вѣры, ни богослуженія,—воскликнулъ Миллеръ, замѣтивъ ихъ удивленные взгляды.—Ошибаетесь; завтра въ какомъ-нибудь уцѣ-

лѣвшемъ отъ ядеръ строеніи мы устроимъ походную церковь, соберемъ павшихъ духомъ солдатъ, помолимся и постараемся выбить у нихъ изъ головы всѣ эти ясногорскія чары, о которыхъ уже слишкомъ много говорятъ въ лагерѣ. Надо возбудить въ нихъ ненависть къ папистамъ, и, такимъ образомъ, фанатизмъ столкнется съ фанатизмомъ. Вотъ тогда посмотрите, какъ-они пойдутъ на штурмъ; ужъ попомнятъ ихъ ясногорцы!

Въ то время, когда въ непріятельскомъ лагерѣ происходилъ военный совѣтъ, осажденные, между тѣмъ, въ ночной тишинѣ занимались исправленіемъ причиненныхъ минувшей канонадой поврежденій. Во мракѣ кой-гдѣ свѣтились фонари, слышались шопотомъ передаваемые приказанія и глухой стукъ заступовъ. Шляхтичи, монахи, крестьяне носили доски, балки, камни, разводили известь. Кордецкій въ свою очередь не отставалъ отъ другихъ и помогалъ работать, пока не насталъ часъ ночного бдѣнія. Тогда онъ вмѣстѣ съ священниками отправился въ церковь, и вскорѣ оттуда послышались ихъ голоса, подобно шуму отдаленнаго лѣса, подобно печальнымъ таинственнымъ звукамъ морского прибоя.

Въ соборѣ тихо раздавались слова заупокойной молитвы о душахъ тѣхъ, прахъ которыхъ покоился въ эту минуту въ мрачныхъ сырыхъ склепахъ, освѣщенныхъ нѣсколькими восковыми свѣчами. Ихъ слабый мерцающій свѣтъ скользилъ по блѣднымъ лицамъ убитыхъ и лежащихъ въ тѣсныхъ гробахъ воиновъ, придавая имъ порою какое-то странное загадочное выраженіе.

Возлѣ покойниковъ стоялъ монахъ въ бѣломъ плащѣ съ поднятымъ капюшономъ и шопотомъ молился, время отъ времени осѣняя себя крестнымъ знаменемъ.

И въ это мрачное подземелье, въ это царство смерти доносились отголоски жизни. За сводами храма продолжалась неутомимая работа, слышались голоса воиновъ, бряцанье оружія и оклики смѣняющихся часовыхъ.

Долгая зимняя ночь прошла и на востокѣ показались слабые блѣдныя отблески зари.

Приготовленія были окончены и ясногорскіе защитники готовились къ новому бою. Настоятель перекрестилъ ихъ и воскликнулъ:

— Во имя Всемогущаго Бога, во славу Его благословляю васъ на великую священную брань.

— Аминь! — отвѣтили всѣ осажденные, набожно остиная себя крестнымъ знаменіемъ.

XVIII.

Настало воскресенье и шведы въ первый разъ съ начала осады почувствовали потребность въ молитвѣ. Миллеръ самъ повелъ своихъ солдатъ въ импровизированную походную церковь, гдѣ уже ожидалъ ихъ какой-то пасторъ, который долженъ былъ разувѣрить шведовъ въ воображаемыхъ чарахъ ясногорскихъ монаховъ. Все войско окружило церковь и вскорѣ началось богослуженіе. Набожность шведовъ была холодна, какъ ихъ религія, пасторъ говорилъ умно, красиво, но въ его мѣстахъ слишкомъ цвѣтистой рѣчи не было сердечной теплоты, не было того, что вдохновляетъ человѣческія души и возносить ихъ къ Богу.

Въ это же самое время въ Ченстоховѣ звонили колокола, слышались звуки стариннаго трогательнаго гимна, осажденные ясногорцы съ благоговѣніемъ падали ницъ предъ величіемъ и святостью алтаря. Здѣсь все было окружено тайной, здѣсь иначе бились сердца, иные раздавались вздохи, инны слышались молитвы, все было полно чудесъ, здѣсь взиралъ Христосъ, священная кровь Его, какъ искупительная жертва, проливалась за міръ и могущество добровольнаго мученичества сокрушало земныя и адскія силы.

Но еще не окончилось «Святый Боже», какъ уже съ западной стороны началось наступленіе шведовъ. Предсказаніе Гальмера сбылось. Замойскій своимъ соколинымъ взоромъ замѣтилъ въ непріятельскихъ рядахъ Вейгарда и Вахлера, которые указывали на стѣны, и, взглянувъ на Чарнецкаго, улыбнулся.

— Не правда-ли, другъ мой, — радостно замѣтилъ шляхтичъ, — вѣдь недурно мы сдѣлали, такъ солидно укрѣпивъ эту часть стѣны? Видите, какъ эти каналы вертятся?

— Здѣсь, очевидно, измѣна, — серьезно замѣтилъ Замойскій. — Къ нашему счастью, благодаря милости Бога, она во время предотвращена. Шведы, повидимому, знали, что у насъ

происходить, но на войнѣ чрезвычайно важно предугадать намѣренія врага и всегда быть готовымъ къ бою.

— Мы и готовы.

— Да, они тутъ скорѣе зубы поломають и расшибуть головы, прежде чѣмъ влѣзуть.

— Открыть огонь, да живѣе! — кричалъ Чарнецкій.

— Необходимо только, чтобы пальба производилась систематично, — сказалъ Замойскій.

Но вотъ постепенно заговорили непріятельскіе редуты. Первые выстрѣлы оказались неудачными. Картауны были плохо наведены, приходилось часто мѣнять прицѣлъ и такимъ образомъ по необходимости прерывать огонь. Огромныя двадцатичетырехфунтовыя и даже пудовыя ядра или врѣзывались въ крѣпостной валъ, не причиняя ему большого вреда, или падали въ монастырскій дворъ, разбивая мостовую, то обрушивались на какой-нибудь сарай и проламывали деревянную крышу. Въ общемъ, для ясногорцевъ дѣло кончалось довольно счастливо, такъ какъ уронъ въ людяхъ пока былъ очень незначителенъ.

Миллеръ внимательно слѣдилъ за ходомъ боя и готовился вести войска на штурмъ, но до полудня и даже долго послѣ полудня ченстоховскія укрѣпленія не были въ достаточной степени повреждены и приходилось ждать. Артиллеристы перемѣнили прицѣлъ, но опять тоже самое.

Шведы съ нѣкоторымъ безпокойствомъ переглянулись, какъ-бы говоря:

— Дѣло не ладно... Имъ должно быть черти помогаютъ.

Вейгардъ, сопровождаемый Вахлеромъ, находился въ авангардѣ, кричалъ, грозилъ, словомъ, выбивался изъ всѣхъ силъ, но, увы, стѣна, точно заколдованная, не поддавалась ни ядрамъ единороговъ, ни кулевринъ. Бомбардировка въ теченіе нѣсколькихъ часовъ не принесла ожидаемыхъ результатовъ. Миллеръ понялъ, что толку мало будетъ, и рѣшилъ обдумать какой-нибудь другой планъ. Имъ овладѣвалъ гнѣвъ, онъ не могъ простить себѣ, что послушался Вейгарда и, желая излить на немъ свою досаду, послалъ за полковникомъ одного изъ вѣстовыхъ.

Вейгардъ понялъ въ чемъ дѣло и неохотно явился къ генералу.

— Ну, что, графъ, проломъ готовъ? — съ злобной насмѣшкой спросилъ его Миллеръ.

— Постепенно дѣлаемъ.

— Какъ вы полагаете, сколько мѣсяцевъ мы будемъ рабывать надъ проломомъ?

На такой вопросъ Вейгардъ нетерпѣливо возразилъ:

— Это дѣло артиллеристовъ, но не мое.

— Чары тутъ или не чары, — нѣсколько смягчившись, продолжалъ генераль, — но согласитесь, графъ, здѣсь происходитъ что-то удивительное: среди осажденныхъ у насъ есть шпионы, измѣнники, намъ извѣстны слабые пункты оборонительной линіи нашего противника, и тѣмъ не менѣе всѣ наши дѣйствія оказываются неудачными. Что-же дальше будетъ?

— Генераль, это меня не касается.

— Извините, графъ, вы меня сюда зманили и уговорили осадить это заколдованное гнѣздо папистовъ, эту лисью нору! Вы ручались, что достаточно поповъ немного припугнуть, и они тотчасъ сдадутся. Что же вы теперь скажете?

Вейгардъ сидѣлъ точно на иголкахъ.

— Я не виноватъ, что нашихъ солдатъ точно бѣсъ опуталъ, и они начинаютъ трусить. Да, впрочемъ, этому нечего удивляться, такъ какъ даже начальники потеряли голову и не знаютъ, что дѣлать.

— Этотъ намекъ и ко мнѣ относится?

— Сохрани Богъ! — быстро поправился графъ. — Но мнѣ больно выслушивать постоянныя и неосновательныя обвиненія.

— Кто же, въ такомъ случаѣ, виноватъ? я? — спросилъ Миллеръ.

— Никто васъ не думаетъ обвинять.

— Я всю жизнь провелъ въ бояхъ, участвовалъ во многихъ осадахъ и лично взялъ не мало крѣпостей, но до сихъ поръ ничего подобнаго со мной не случалось. Намъ дастъ отпоръ простой, обыкновенный замокъ, не огражденный никакими естественными преградами, не окруженный ни рѣкой, ни озеромъ. Положительно стыдно даже кому нибудь сказать. Да къ тому еще, съ кѣмъ мы имѣемъ дѣло? Съ монахами и жалкой горстью какихъ-то отчаянныхъ искателей приключеній. Чортъ возьми! Если бы не вы, я бы никогда сюда не пришелъ!

— Во всякомъ случаѣ, нельзя же намъ уйти ни съ чѣмъ.

— Ну, это еще вопросъ,— замѣтилъ генераль,— если мы съ такимъ же успѣхомъ будемъ осаждать Ясную Гору и даль-
ше, какъ до сихъ поръ, то я не ручаюсь.

— Какъ?— воскликнулъ Вейгардъ,— вы, генераль, рѣши-
тесь оставить дерзкихъ монаховъ не наказанными? Не забудь-
те, что это дурной примѣръ для всей Польши. Это было бы
гибельно для всего нашего дѣла, для интересовъ Карла-Густава.

— А не прикажете-ли мнѣ безъ конца стоять подъ Чен-
стоховомъ?

— Но здѣсь достаточно пробыть еще нѣсколько дней.

— Подумайте только, сколько мы даромъ потратили вре-
мени.

— Надо только отказаться отъ всякихъ переговоровъ. Ве-
лите засыпать ровъ, притащить тараны, лѣстницы, и на штурмъ!
Громить укрѣпленія, разрушать, бить и взять приступомъ!

— Вы, я вижу, большой мастеръ, но сначала поговорите
съ солдатами, которые столько времени страдаютъ отъ холода,
голода, всякихъ лишеній, и спросите-ка ихъ, легко-ли все это
сдѣлать? Даже ночью нельзя развести костровъ, чтобы со-
грѣться... Да къ тому еще, — добавилъ онъ съ улыбкой, —
какія-то чары!

— Ну, что за чары, генераль, вѣдь это пустяки, одно
лишь ребячество!

— Вотъ попробуйте-ка у солдатъ выбить это изъ головы, —
сказалъ Миллеръ,— наконецъ и въ самомъ дѣлѣ, кто знаетъ,
быть можетъ, тутъ есть доля правды. Существуютъ явленія
положительно непонятныя, и я самъ допускаю это.

Вейгардъ невольно улыбнулся.

— Я вижу, графъ,— съ досадою замѣтилъ генераль,— что
вы ни во что не вѣрите.

— Извините, вѣрю во все, кромѣ чаръ.

— До свиданія!— рѣзко сказалъ Миллеръ, разгнѣванный
на графа и, желая отъ него отдѣлаться, быстро вышелъ изъ
шатра.

Онершись на шпагу, генераль въ печальной задумчивости
сталъ смотрѣть на издали видѣвшуюся церковь, на мона-
стырскія стѣны и на своихъ солдатъ.

— Неужели здѣсь потускнѣетъ моя военная слава? — говорилъ онъ про себя. — Неужели изъ-за этого ничтожнаго монастыря терять мнѣ свои лавры? Одна мысль о такомъ позорѣ можетъ довести до безумія! Здѣсь происходитъ что-то невѣроятное! Вейгардъ говорить, что онъ не вѣритъ въ чары, но почему-то почти всѣ именно въ нихъ видятъ причину нашихъ неудачъ... Нѣтъ... есть что-то непостижимое... есть какая-то невѣдомая сила... Въ нашемъ распоряженіи отличные, выносливые солдаты, искусство, опытъ и, однако, все тщетно. Если мы уйдемъ, ничего не сдѣлавъ, надъ нами будутъ смѣяться. Я не стерплю этого! Конечно, надо еще употребить всѣ усилія, но вдругъ опять насъ постигнетъ неудача?

Миллеръ простеръ руки по направленію къ монастырю.

— Стѣны стоятъ точно желѣзныя! — продолжалъ онъ. — Ни одного пролома! Нѣтъ, здѣсь что-то ужасное! Поганый нѣмецъ навѣрно солгалъ... Намъ слѣдовало бомбардировать съ восточной стороны, тогда, по крайней мѣрѣ, можно было разрушить церковь; быть можетъ, гибель храма подѣйствовала бы на упрямыхъ монаховъ и они бы скорѣ сдались. Вейгардъ придворный лизоблюдь, а не воинъ, онъ постоянно обманывалъ меня и продолжаетъ обманывать. Онъ всему причиной.

Генераль злобно смотрѣлъ на своихъ солдатъ, которые безуспѣшно атаквали укрѣпленія.

Осаждающимъ не повезло. Солдаты были совершенно утомлены боемъ и нуждались въ отдыхѣ. Въ довершеніе всего, началась вьюга, холодъ сильно донималъ шведовъ, и они уже громко стали выражать свое неудовольствіе. Пошелъ снѣгъ, и противъ воли надо было на время прекратить сраженіе.

Миллеръ опять созвалъ военный совѣтъ. Каждый изъ полковниковъ высказалъ свое мнѣніе, одинъ только Вейгардъ уклонился и не хотѣлъ говорить. Князь Гесскій совѣтовалъ отступить. Садовскій присоединился къ мнѣнію князя, добавивъ, что если уже такъ необходимъ монастырь, то весной можно сюда опять прислать войско.

Генераль молча выслушалъ всѣхъ.

— Отступить? — сказалъ онъ. — Нѣтъ, этого быть не можетъ. Мы пришли не зря, а потому надо чего нибудь добиться. Построить новые шанцы, засыпать ровъ и снова идти на приступъ.

— Земля совершенно замерзла на четверть аршина, — замѣтилъ одинъ изъ присутствующихъ.

— Не мы ее будемъ копать, на то будутъ окрестные крестьяне, мы будемъ только руководить фортификаціонными работами.

Всѣ умолкли, видя, что Миллеръ рѣшилъ упорствовать и сталъ распоряжаться приготовленіями къ штурму. Одинъ только Вейгардъ прошепталъ:

— Такъ и слѣдуетъ; распоряженія генерала великолѣпны.

— Я не нуждаюсь въ вашихъ похвалахъ, — мрачно возразилъ шведъ.

Графъ съ недовольнымъ видомъ удалился.

Вскорѣ ченстоховскіе мѣщане узнали отъ польскихъ солдатъ о намѣреніяхъ генерала и немедленно сообщили объ этомъ въ монастырь.

Кордецкій выдержавъ столько нападеній, надѣялся отразить и предстоящій штурмъ.

Ясногорскіе начальники собрались въ одной изъ залъ и тщательно обсуждали всѣ средства къ оборонѣ. Замойскій началъ длинную рѣчь, въ которой подробно развивалъ планъ защиты, часто ссылаясь на разныхъ военныхъ писателей и часто цитируя ихъ.

Чарнецкій слушалъ, вздыхалъ и завидовалъ своему товарищу, превосходившему его своей ученостью.

— Все это хорошо, — сказалъ онъ черезъ минуту, — но по моему то, что колетъ, бьетъ, рубить, жжетъ, все хорошо. Заранѣе нельзя все предугадать, человекъ не машина; воспользуемся всѣмъ, что подвернется подъ руку и постараемся приспособиться къ обстоятельствамъ.

Замойскому отчасти не понравилось такое отношеніе къ его учености, и, не желая уступить своему сопернику, опять началъ высчитывать всѣ способы къ оборонѣ.

Чарнецкій слушалъ, слушалъ, наконецъ ему надоѣло, и, онъ, поднявшись съ кресла, добродушно сказалъ:

— Вы ужъ, господа, тутъ безъ меня думайте и совѣтуйтесь, а я тѣмъ временемъ побѣгу въ укрѣпленіе и прикажу кой-что сдѣлать.

Настоятель ничего не отвѣтилъ; Замойскій понялъ, что при

данныхъ обстоятельствахъ нельзя примѣнить всѣ требованія военного искусства и потому совершенно искренно воскликнулъ:

— Вы правы, господинъ Чарнецкій; за работу!

— Вотъ и хорошо, — радостно проговорилъ шляхтичъ, — идемъ скорѣе въ укрѣпленіе, а когда нибудь, въ спокойное время, мы съ вами, сидя у камина, навѣрно съ удовольствіемъ прочитаемъ умную книгу.

Призвавъ солдатъ, они неутомимо стали работать.

Всѣ камни, кирпичи, старое желѣзо, толстыя бревна, разное оружіе, все перетаскивали на стѣны, чтобы было чѣмъ встрѣтить наступающаго врага. Тутъ же, возлѣ бруствера, въ огромныхъ котлахъ кипятилась вода и смола, и это тоже приготавлилось на случай, если бы шведы достигли стѣнъ и пытались бы на нихъ взобраться.

Челядь усердно помогала воинамъ, стараясь выручить ихъ въ работѣ, гдѣ только было возможно.

Такъ прошелъ весь день въ этихъ энергичныхъ приготовленияхъ.

XIX.

Настало пасмурное дождливое утро. Все было покрыто такимъ густымъ туманомъ, что осажденные положительно не могли слѣдить за движеніями непріятеля и принуждены были стрѣлять почти наугадъ.

Непроницаемая мгла окутала всю окрестность и какъ ясногорцы, такъ и шведы въ первое время не знали, что дѣлать. Моросилъ мелкій пролизывающій дождикъ. Осажденные, не видя своего противника, немного встревожились и каждую минуту ждали внезапнаго нападенія. Миллеръ, однако, рѣшилъ воспользоваться туманомъ и незамѣтно приблизиться къ монастырю.

Лишь только генералъ передалъ этотъ приказъ своему адъютанту, какъ вдругъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него раздался выстрѣлъ, а затѣмъ крикъ. Миллеру показалось, что это былъ голосъ его племянника; не понимая, въ чемъ дѣло, онъ далъ шпоры коню и въ одну минуту подскочилъ къ тому мѣсту, откуда послышался стонъ.

Дѣйствительно, то былъ голосъ его племянника. Молодой

человѣкъ лежалъ, распростершись на землѣ, смертельно раненый въ животъ.

— Что это такое! — съ ужасомъ воскликнулъ Миллеръ, увидѣвъ своего любимца въ такомъ состояніи, и тотчасъ велѣлъ позвать врачей.

Но, увы! помощь человѣческая оказалась бесполезной; юноша обернулся, ласково поглядѣлъ на своего дядю, протянулъ руку... и испустилъ духъ.

Миллеромъ овладѣло страшное отчаяніе... Солдаты стояли въ какомъ-то оцѣпенѣніи... Это не могъ быть ясногогорскій выстрѣлъ. Вскорѣ оказалось, что виновникомъ смерти былъ какой-то, должно быть, пьяный шведскій солдатъ, случайно выпалившій изъ своего мушкета. Горе, гнѣвъ, ярость генерала были неописуемы. Онъ жилъ для этого юноши, котораго рѣшилъ усыновить, собирая для него деньги, награбленные въ Польшѣ, видѣлъ въ немъ единственное утѣшеніе, охранялъ его отъ опасности, ласкалъ, лелѣялъ его, и вотъ теперь звенья цѣпи, привязывавшей старика къ жизни, лопнули вслѣдъ за роковымъ выстрѣломъ. Страшно блѣдный отъ волненія, онъ припалъ къ лицу безвременно погибшаго юноши и нѣсколько минутъ оставался въ такомъ положеніи, затѣмъ поднялся, и грозно спросилъ окружающихъ:

— Гдѣ тотъ, что выстрѣлилъ?

Къ нему привели виновнаго.

— Разстрѣлять! — холодно сказалъ Миллеръ, и, быстро вскочивъ на коня, помчался къ авангарду.

— Впередъ! — крикнулъ онъ, — наступать по всей линіи.

Вѣсть о гибели молодого воина разнеслась по всему стану и многіе данный случай приписали таинственной волшебной силѣ чернокнижниковъ - монаховъ.

Бейгардъ, узнавъ о смерти молодого человѣка, схватился за голову.

— Теперь уже мнѣ нельзя показаться на глаза Миллеру, — сказалъ онъ, и вмѣстѣ съ Калинскимъ и Вахлеромъ поспѣшилъ на передовую линію.

Мгла между тѣмъ не разсѣивалась, такъ что ничего нельзя было различить даже на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ. Изъ непріятельскихъ позицій раздались пушечные выстрѣлы, по

Ясная Гора еще молчала. Осажденные приготовились и ждали удобнаго момента. Наконецъ, въ облакахъ тумана зачернѣли первые ряды шведскихъ солдатъ, состоявшихъ преимущественно изъ финляндцевъ. Въ ту-же минуту на брустверѣ появилась какая-то таинственная фигура съ распущенными волосами, одѣтая во что-то бѣлое,—это была Констанція. Пораженные неожиданнымъ явленіемъ солдаты дрогнули и по рядамъ ихъ пошелъ шопоть.

— Что это такое: живое существо или привидѣніе?..

Нѣкоторые изъ нихъ, что были посмѣлѣе, выстрѣлили въ нее изъ мушкетовъ, но во мглѣ плохо прицѣлились и дали промахъ. Фигура продолжала стоять, наводя ужасъ на суетѣрныхъ солдатъ. Внезапно она имъ сдѣлала какой-то знакъ и затѣмъ точно растаяла во мглѣ.

Финляндцы, слышавшіе столько разсказовъ о чарахъ ясногорскихъ монаховъ, остановились, какъ вкопанные, и, несмотря на учащавшіеся сигналы къ наступленію, не двигались съ мѣста. Осажденные воспользовались столь благоприятный минутой и точно по неподвижной мишени дали дружный залпъ. На такой близкой дистанціи можно было открыть огонь изъ ручнаго оружія. Ясногорцы стали поражать шведовъ изъ крѣпостныхъ пищалей, аркебузовъ и мушкетовъ.

Всѣ офицеры, стоявшіе въ передней шеренгѣ, пали. Солдаты въ паникѣ подались назадъ, въ рядахъ ихъ слышались восклицанія: «чары! чары!»

Миллеръ носился на конѣ и принуждалъ солдатъ идти впередъ, но почти безуспѣшно.

Ченстоховскія орудія гремѣли, между тѣмъ, не умолкая, сметая цѣлые ряды непріятельской пѣхоты и одновременно отвѣчая на огонь окружавшихъ монастырь редутовъ.

Огоньки выстрѣловъ въ такомъ густомъ туманѣ казались непрерывно прорѣзывающей тучи молніей. Сраженіе представляло чрезвычайно оригинальную, фантастическую картину.

Наконецъ, наступили сумерки; дальнѣйшія попытки къ наступленію оказались бесполезными и Миллеръ приказалъ играть отбой. То тамъ, то здѣсь слышались сигналы, и по всей линіи началось отступленіе.

Ночь чернымъ покровомъ окутывала землю, вся гора, вмѣ-

стѣ съ возвышающимся надъ ней монастыремъ, скрылась въ непроницаемыхъ облакахъ тумана, изъ глубины котораго доносились теперь мѣрные, печальные звуки колокола, призывающіе вѣрныхъ къ вечерней молитвѣ Angelus. Лишь изрѣдка оборонительная линія вспыхивала огненной лентой и ясногорскія ядра съ зловѣщимъ свистомъ летѣли во слѣдъ отступающему врагу.

Осажденные всю ночь провели безъ сна, въ ожиданіи новаго внезапнаго нападенія.

Въ монастырѣ было уже извѣстно о смерти племянника генерала, и всѣ понимали, что онъ, пораженный неожиданнымъ горемъ, вспыхаетъ къ нимъ еще большей, чѣмъ прежде, жаждой мести. Среди непроглядной мглы фонари слабо свѣтились въ сторожевыхъ башняхъ; воины, точно тѣни, передвигались отъ бастіона къ бастіону; часовые при смѣнѣ тихо шептали данный на сегодня пароль: *Богъ наша надежда*.

Ясногорскіе начальники медленно прохаживались вдоль по крѣпостному банкету, тщательно и непрерывно провѣряя всѣ посты и внимательно вслушиваясь во всѣ доносившіеся изъ непріятельскаго лагеря звуки.

Ожиданія, однако, были напрасны, такъ какъ шведы не думали о ночномъ нападеніи и чрезвычайно нуждались въ отдыхѣ.

На слѣдующій день туманъ еще болѣе усилился. Снѣговья тучи низко нависли надъ землею и, казалось, сливались съ густою молочнаго цвѣта мглою.

Ченстоховскіе воины были отчасти встревожены, такъ какъ подъ покровомъ такого тумана непріатели могли незамѣтно приблизиться и ринуться на укрѣпленія.

Кордецкій, замѣтивъ безпокойство осажденныхъ, сказалъ:

— Братья! не смущайтесь тѣмъ, что непріателямъ явилась на помощь эта непроницаемая мгла. Богъ очевидно посылаетъ намъ новое испытаніе, перенесемъ же его твердо и со смиреніемъ, какъ подобаетъ Христовымъ воинамъ. Надо попрежнему вѣрить и молить Бога о помощи. Но всѣ мы не можемъ предаться молитвѣ, такъ какъ намъ необходимо сражаться, а потому пусть одинъ изъ насъ молить Бога за всѣхъ, да расчѣтъ Онъ эти гибельные туманы и сокрушить жесто-

каго, посягающаго на нашу святыню врага. Отче Стависскій, ступайте въ церковь, вознеситесь душой къ престолу Всемогущаго и умоляйте Его спасти и помиловать насъ грѣшныхъ. Помните, что глубокая, искренняя, непоколебимая вѣра охранитъ насъ отъ всякихъ опасностей.

Священникъ Стависскій, блѣдный, величественный старецъ, покорно склонилъ голову и тотчасъ отправился въ церковь, а настоятель спокойно направился въ укрѣпленіе, гдѣ всѣ уже готовились—къ непріятельскому нападенію.

— Это что такое?—воскликнулъ Чарнецкій, замѣтивъ въ глубинѣ тумана медленно приближающуюся къ крѣпостнымъ стѣнамъ какую-ту махину.

Замойскій въ свою очередь поглядѣлъ и улыбнулся.

— Это называется на военномъ языкѣ...

— Но для чего она употребляется?—нетерпѣливо спросилъ Чарнецкій,—ужь навѣрно это не маслобойка?

— Нѣтъ, это стѣнобитная машина.

— Ну, въ такомъ случаѣ нечего долго ждать. Касперъ!—обратился онъ къ пушкарю,—наведи-ка орудіе и вали во всю. Удачно попадешь—получишь отъ меня награду.

Касперъ не заставилъ себя просить, быстро навелъ орудіе на приближающуюся машину и приложилъ фитиль... Грянулъ выстрѣлъ и ядро попало въ самую середину тарана.

Вслѣдъ за первымъ раздались еще выстрѣлы, и когда дымъ нѣсколько разсѣялся, осажденные увидѣли, что таранъ приведенъ въ полнѣйшую негодность. Слышались крики и проклятья шведовъ, старавшихся отперечь отъ машины испуганныхъ лошадей. Ясногорцы пустили еще нѣсколько гранатъ, которыя произвели сильное опустошеніе въ рядахъ непріятелей и заставили обратиться въ бѣгство.

О случившемся доложили Миллеру, но онъ съ досадою, махнувъ рукой, проговорилъ:

— Дѣлайте, что хотите!

Лицо его было грозно, и всѣ окружающіе поняли, что онъ твердо рѣшилъ продолжать начатое дѣло.

Приходилось готовиться къ новому бою.

XX.

На слѣдующій день, утромъ, шведы снова начали бомбардировать восточную часть укрѣпленій. Ясногорцы теперь опасались, какъ бы непріятельскія ядра не повредили какъ монастырю, такъ и церкви, окна которой выходили какъ разъ въ эту сторону.

Безпрерывныя канонады, постоянное безпокойство, бессонныя ночи страшно утомили даже самыхъ крѣпкихъ и выносливыхъ изъ ченстоховскихъ защитниковъ. Даже монахи опустили головы, и хотя никто изъ нихъ не жаловался, но по выраженію лицъ видно было, что они сильно страдаютъ.

Монастырь до сихъ поръ побѣждалъ, но его истощали побѣды. Нѣкоторыми изъ болѣе малодушныхъ защитниковъ снова овладѣло сомнѣніе. Настоятель замѣчалъ это, но старался утѣшать всѣхъ надеждой на подкрѣпленіе и на наступившіе холода.

Между тѣмъ, Богъ точно внялъ мольбамъ осажденныхъ, и мгла постепенно стала разсѣиваться. Вскорѣ проглянуло солнце и яркими золотистыми лучами освѣтило всю окрестность.

Недалеко отъ укрѣпленія лежали убитые шведы, отчасти прикрытые снѣгомъ. Возлѣ нихъ суетились ихъ товарищи, укладывали трупы на телѣги, и, спустя немного, тронулся длинный погребальный кортежъ, направляясь по дорогѣ къ Кшепицамъ.

Среди этихъ жертвъ былъ также прахъ племянника Миллера, эскортируемый отрядомъ кавалеріи. Слышались печальные звуки похороннаго марша.

Кордецкій, глядя на это, съ грустью воскликнулъ:

— Столько крови, столько жертвъ и для чего? Для одной лишь славы завоевателя, для суетныхъ непрочныхъ лавровъ! А между тѣмъ, когда приходится трудиться для вѣчнаго небеснаго царства, людямъ бываетъ тяжело пожертвовать даже гораздо меньшимъ.

Священникъ Страдомскій ничего не отвѣтилъ и только глубоко вздохнулъ.

Они еще разъ взглянули на удаляющійся погребальный

кортежъ и затѣмъ въ молчаніи направились въ церковь. Во дворѣ они замѣтили толпу шляхтичей и монаховъ въ какой-то особенной ажитаци. Среди собравшихся были только-что прибывшіе въ монастырь Александръ Ярошевскій, котораго жена и сынъ находились здѣсь съ начала осады, и Цесельскій, котораго двѣ сестры монахини - доминиканки недавно нашли тутъ убѣжище, спасаясь отъ нашествія шведовъ. Оба они, услышавъ, что происходитъ на Ясной Горѣ, стали беспокоиться объ участи своихъ близкихъ и прежде всего явились къ Миллеру съ просьбой разрѣшить имъ пройти въ монастырь и вывести оттуда женщинъ. Шляхтичи были увѣрены, что укрѣпленіе раньше или позже будетъ взято приступомъ, и онѣ падутъ жертвой разъяренныхъ и озвѣрѣвшихъ шведовъ.

Миллеръ принялъ ихъ утромъ, и выслушавъ просьбу, сказалъ:

— Я согласенъ, господа, но предупреждаю, заранѣе, что изъ этого ничего не выйдетъ.

— Какъ? — воскликнулъ Ярошевскій, — настоятель обязанъ выдать мнѣ жену и ребенка, а господину Цесельскому ея сестеръ.

— Онъ не выдастъ, — возразилъ генералъ, — такъ какъ это испугало бы другихъ, скрывшихся въ монастырѣ. Я лично, разумѣется, былъ бы очень радъ, если-бы вамъ удалось вывести вашихъ близкихъ, но Кордецкій человекъ умный и не сдѣлаетъ этого... Не слѣдовало скрываться отъ шведовъ, а теперь уже поздно...

Какъ Ярошевскій, такъ и Цесельскій, выслушавъ генерала, страшно возмутились.

— Этого быть не можетъ, генералъ, они должны намъ выдать. Это было бы насиліе.

— Увидите, — холодно сказалъ Миллеръ, — идите...

Шляхтичи отправились, и, войдя въ монастырь, тотчасъ стали распространять разныя небылицы о шведскихъ силахъ и, конечно, такіе рассказы произвели неблагопріятное дѣйствіе на состояніе духа нѣкоторыхъ осажденныхъ. По ихъ словамъ, крѣпость каждую минуту могла быть взята шведами, которые поклялись разрушить монастырь до основанія и истребить всѣхъ защитниковъ, не щадя ни пола, ни возраста.

И вотъ во время этого повѣствованія къ толпѣ приблизился Кордецкій.

Шляхтичи тотчасъ обратились къ настоятелю:

— Ваше высокопреподобіе, — сказалъ, почтительно кланаясь, Ярошевскій, — я пріѣхалъ за женой и сыномъ.

— А я за сестрами, — добавилъ Цесельскій.

— Почему вы жемаете ихъ увезти? — холодно и съ неудовольствіемъ возразилъ Кордецкій. — Развѣ что-нибудь особенное случилось? Развѣ намъ угрожаетъ какая-нибудь новая опасность?

— Но вѣдь не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что монастырь будетъ взятъ и уничтоженъ.

— Откуда-же у васъ такая увѣренность?

— Для этого достаточно сосчитать, достопочтенный отче, сколько нашихъ и сколько шведовъ.

— Считайте себѣ, если вамъ угодно; вы боитесь, а мы не боимся, вамъ страшны шведы, а намъ нѣтъ.

Ярошевскій остолбенѣлъ.

— Впрочемъ, — сказалъ онъ, — пусть будетъ, отче, по вашему, но тѣмъ не менѣе я долженъ заботиться о себѣ, и потому прошу выдать мою семью.

— А я прошу выдать сестеръ, — прошепталъ Цесельскій.

— Позвать брата Павла! — съ досадой крикнулъ настоятель.

Всѣ присутствующіе молчали, ожидая, что изъ этого выйдетъ. Прибывшіе шляхтичи были почти увѣрены, что просьба ихъ будетъ уважена.

Но вотъ прибѣжалъ братъ Павелъ съ четками въ рукахъ и низко поклонился настоятелю.

— Вы помните еще въ началѣ осады данный вамъ приказъ? — спросилъ монаха Кордецкій.

— Помню, отче, очень даже хорошо помню: пропускать всѣхъ по одному, кто будетъ просить убѣжища, но безъ вашего разрѣшенія никого не выпускать изъ монастыря.

— Строго исполняйте же мой приказъ всегда безъ малѣйшихъ для кого-бы то ни было послабленій до тѣхъ поръ, пока я не отмѣню его, — подтвердилъ настоятель.

— Все будетъ свято исполнено.

— Что-же это означаетъ? — возмущился Ярошевскій, — вы насильно хотите держать здѣсь людей?

— Не вась,—спокойно отвѣтилъ Кордецкій,—но тѣхъ, которые прибыли сюда въ началѣ осады. Я такъ приказываю во избѣжаніе излишней тревоги среди осажденныхъ; во слѣдъ за вами могутъ явиться другіе съ подобною же просьбой, а это вовсе не желательно; а потому, кто здѣсь находится, тотъ останется до конца.

— Ваше высокопреподобіе, здѣсь дѣло идетъ объ участи близкихъ намъ людей. Вы имѣете право распоряжаться жизнью своей и своихъ подчиненныхъ, но не нашей.

— Въ данный моментъ всѣ здѣсь находящіеся—мои подчиненные,—холодно и рѣшительно возразилъ настоятель.—Богъ насъ разсудитъ; я поступаю въ этомъ случаѣ по своему глубокому убѣжденію и въ силу настоятельной необходимости. Ничего здѣсь дурного съ ними не случится, вполне довѣрьтесь Богу и не опасайтесь.

Прибывшіе шляхтичи, смутившись, не знали, что дѣлать и молча только переглядывались.

Настоятель ушелъ, а Замойскій, пользуясь случаемъ, обратился къ нимъ съ рѣчью.

— То, что вы требуете, —сказалъ онъ,—положительно невозможно и противорѣчить военнымъ правиламъ. Мы всѣ обязаны быть безпрекословно послушны нашему вождю, приказанія и воля его должны быть святы. Однако, не тревожьтесь; съ помощью Бога мы одолѣемъ нашего могущественнаго врага, чего не погубить оружіе, то одолѣетъ наша молитва. Здѣсь напрасно,—добавилъ онъ,—какъ просить, такъ и грозить. Полагаю, что для меня не менѣе дороги моя жена и мой единственный сынъ, однако, я призвалъ ихъ сюда и не думаю удалитъ.

— Вольно вамъ поступать такъ, какъ вамъ угодно, но и мы вольны сдѣлать то, что находимъ цѣлесообразнымъ.

— Когда кончится осада, тогда вы сдѣлаете то, что вамъ будетъ угодно.

Александръ Ярошевскій, поддерживаемый Цесельскимъ, сталъ кричать и шумѣть. Замойскій безъ церемоніи взялъ перваго шляхтича за руку.

— Если вы будете тутъ безобразничать,—рѣзко сказалъ онъ,—то я прикажу солдатамъ выпроводить васъ за ворота; уходите лучше сами по добру, по здорову.

— Но вѣдь это невиданная тиранія! это нарушение дворянскихъ правъ и нашей свободы!

Замойскій проницательно засмѣялся.

— Отецъ Павелъ, — проговорилъ онъ внушительно, — вотъ эти господа уже видѣлись съ своими родными, остаться здѣсь, кажется, не желаютъ, а такъ какъ у насъ времени нѣтъ для гостей, то прикажите имъ открыть дверь.

Напрасно оба шляхтича вопили и угрожали, ничто не помогло; солдаты окружили ихъ и вывели вонъ.

На аванпостной линіи ихъ встрѣтилъ Миллеръ.

— Ну, что тамъ? — спросилъ онъ съ улыбкой.

— Не пускаютъ! — въ одинъ голосъ воскликнули они.

— Я вѣдь предупреждалъ, что вамъ откажутъ, — замѣтилъ генералъ.

Шляхтичи, понутивъ головы, отправились въ польскій лагерь просить совѣта у знакомыхъ офицеровъ.

Въ монастырѣ нѣкоторые шляхтичи были возмущены такимъ поступкомъ, и непривычные къ военной дисциплинѣ подняли шумъ; среди монаховъ замѣчался сдержанный ропотъ. Отецъ Петръ Лассота, опасаясь бунта, отправился къ настоятелю доложить о случившемся. Кордецкій, въ сопровожденіи священника Страдомскаго, поспѣшилъ въ монастырь, но тамъ уже шляхтичей не было, остались одни только монахи.

Они были взволнованы и въ первую минуту нерѣшались говорить. Настоятель проницательно смотрѣлъ на нихъ и смѣло ждалъ. Наконецъ изъ рядовъ выступилъ священникъ Блешинскій.

— Отче, — заявилъ онъ, — мы долго молчали, долго ждали подкрѣпленій, а также осуществленія другихъ надеждъ, но такъ какъ пришлось въ нихъ разочароваться, то время и намъ сказать свое слово. Вы не можете отрицать то, что мы сдѣлали все, что могли для обороны нашей обители и готовы были пожертвовать своей жизнью, но долѣе оболащать себя надеждой невозможно.

— Именно такъ, — подтвердилъ священникъ Малаховскій. — Мы остались одни, подкрѣпленій ждать неоткуда, гибель очевидна и неминуема. Богъ, должно быть, предназначилъ намъ испытать униженіе побѣжденныхъ.

— Отче, — добавилъ священникъ Доброшъ, — вашъ сегодняшній поступокъ хотя, быть можетъ, согласовался съ военными правилами (мы ихъ не знаемъ), тѣмъ не менѣе, вызвалъ неудовольствіе среди шляхтичей и даже окончательно возмутилъ ихъ; всѣ встревожены, насъ только ничтожная горсть, мы сами ничего не подѣлаемъ съ врагомъ, а потому, умоляемъ васъ подумать о сдѣлѣ...

Тутъ и другіе, что были посмѣлѣе, заговорили.

— Отче, пора уже отказаться отъ самообольщенія, весь край въ рукахъ шведа, король насъ оставилъ, весь міръ насъ забылъ, Польша перестала быть сильнымъ, могучимъ государствомъ... Время начать переговоры объ условіяхъ капитуляціи.

— Таково ваше мнѣніе? — печально спросилъ Кордецкій.

— Это мысль и желаніе всѣхъ... Энтузіазмъ и вѣра не помогутъ. Тутъ видѣнъ перстъ Божій...

— Въ *definitorium*! — воскликнулъ онъ, — всѣмъ собраться на совѣтъ.

Кордецкій первый вошелъ въ пустую еще залу, палъ на колѣни передъ крестомъ Спасителя міра и долго молился въ какомъ-то экстазѣ. Между тѣмъ въ *definitorium* поснѣжно собиравались монахи и занимали свои мѣста.

Спустя немного, Кордецкій поднялся, сѣлъ въ свое кресло, на минуту задумался, а затѣмъ, оглядѣвъ присутствующихъ, твердо сказалъ:

— Братъя мои, васъ, какъ монаховъ, страшить столько времени продолжающаяся борьба. Дѣйствительно, опасность велика и грозна, но все-же не до такой степени, чтобы мы изъ-за нея поколебались въ своемъ рѣшеніи защитить нашу обитель, то есть исполнить прямую обязанность. Польскіе короли довѣрили намъ эту священную гору, такъ неужели вы хотите оказаться вѣроломной стражей и предать свой постъ врагу? Чтожь! пожертвуйте всѣмъ, что для васъ дорого и свято, ради спасенія своей жалкой, ничтожной жизни. Я насиловать вашу волю не стану, судить не буду, но за то васъ Богъ и люди осудятъ! Не подобаетъ, однако, чтобы эта обитель осталась безъ слугъ, безъ богослуженія, невозможно, чтобы всѣ вы, покрытые позоромъ, покинули священные алтари, какъ низкіе наемники, получившіе впередъ свою плату и бѣжавшіе въ минуту

опасности. Наверно вы не решитесь так поступить, а потому скажите, кто из вас, братья, захочет остаться здѣсь и сдаться на волю побѣдителя; я же съ оставшимися мнѣ вѣрными друзьями уйду, ибо мнѣ не подъ силу на старости лѣтъ перенести такой ужасный позоръ. Предоставляю все на ваше усмотрѣніе, поступайте, какъ знаете...

Слова настоятеля были просты, но полны горечи. Онъ окинулъ взоромъ монаховъ и промолвилъ:

— Выступите и говорите!

Никто, однако, не проронилъ ни слова, всѣ молчали въ сильномъ смущеніи.

— Вы, вѣдь, хотите сдаться, такъ говорите, я противиться не буду. Отецъ Страдомскій, вы первый.

Проповѣдникъ ничего не отвѣтилъ; Кордецкій спрашивалъ по очереди каждого, но всѣ молчали и потупили взоры.

— Вы не отвѣчаете? Въ такомъ случаѣ, — ласково сказалъ настоятель, — никто изъ васъ теперь не смѣетъ выказать страха, которому вы такъ малодушно поддались. Опомнитесь, братья! Этотъ случай поучителенъ, вы теперь видите, какъ легко человеку пасть и какъ внимательно надо слѣдить за собой. Чѣмъ же сегодняшній день страшнѣе вчерашняго? — возвысилъ онъ голосъ. — Мы непоколебимо выдержали столько нападеній, непріятель до сихъ поръ не могъ одолѣть насъ и каждый разъ съ позоромъ отступалъ, такъ чего-же намъ бояться? Своихъ развѣ побѣдъ? Потери нашего гарнизона не велики, продовольствія вдоволь, боевыхъ припасовъ вполне достаточно, быть можетъ, подойдетъ подкрѣпленіе, вы сами слышали, что вся Польша пробуждается отъ сна и оцѣпенѣнія, король вернется въ свою страну, соотечественники помогутъ намъ и не забудутъ, что мы одни не склонились предъ торжествующимъ врагомъ. Не обращайте вниманія на нашенгиванія робкихъ недалёковидныхъ людей... Насъ не должно касаться сомнѣніе, страхъ да будетъ неизвѣстенъ намъ.

При послѣднихъ его словахъ открылась дверь и въ defensorium вошелъ братъ Павелъ съ письмомъ. Онъ подошелъ къ Кордецкому и, вручивъ ему письмо, сказалъ:

— Это нашла Констанція въ снѣгу у крѣпостного вала.

Письмо это, точно вызванное молитвами настоятеля, было

очень кстати и могло ободрить осажденныхъ. Кто-то изъ польскаго лагеря подкинулъ его ясногорцамъ. Въ немъ писалъ изъ Сандомира нѣкій Янъ Май своему брату о томъ, что на помощь Яну-Казиміру идутъ большіе чамбулы татаръ. Кордецкій громко прочиталъ радостную вѣсть и затѣмъ отдалъ письмо священнику Страдомскому.

— Богъ милостивъ! — сказали онъ. — Передайте извѣстіе маловѣрнымъ, пусть успокоятся.

Сказавъ это, настоятель вышелъ, оставивъ монаховъ въ очень неловкомъ положеніи. Нѣкоторое время они молча стояли, не зная, что сказать въ свое оправданіе, такъ какъ всѣ были отчасти виноваты, и наконецъ разошлись, исполненные вѣры и искренняго желанія исправить свое прегрѣшеніе беззавѣтнымъ самопожертвованіемъ.

Но со шляхтичами не легко было справиться. Кордецкій не могъ говорить съ каждымъ изъ нихъ въ отдѣльности, ни собрать ихъ для этого въ одно мѣсто. Въ особенности трудно было съ тѣми, что имѣли здѣсь женъ и дѣтей, объ участи которыхъ они такъ беспокоились. Приѣздъ Ярошевскаго, слезы его жены и сестеръ Цесельскаго произвели впечатлѣніе во всемъ монастырѣ. Шляхтичи вмѣстѣ съ монахами хотѣли принудить настоятеля сдаться, но послѣ совѣщанія въ definitorium почтенные отцы уклонились отъ предложенной миссіи, и не желая помогать имъ, напротивъ, старались возбудить въ нихъ бодрость и мужество. Главные ясногорскіе начальники, во главѣ съ Чарнецкимъ и Замойскимъ, какъ всегда, держались стойко и непоколебимо, но остальные волновались. Вожаки послѣднихъ: Плаза, Мровковскій и другіе ораторствовали, собирали голоса за сдачу и хотѣли идти къ настоятелю, но Чарнецкій, узнавъ объ этомъ, велѣлъ осажденнымъ собраться, далъ каждому изъ нихъ по большой чаркѣ меду, выпилъ вмѣстѣ съ ними и обратился съ слѣдующей рѣчью:

— Любезнѣйшіе! у насъ что-то пахнетъ измѣной, господа шляхтичи начинаютъ трусить и уже помышляютъ о сдачѣ. Настоятель, какъ человѣкъ достойный и благородный, даже не хочетъ слышать объ этомъ, мы-же, въ свою очередь, рѣшили сражаться до послѣдняго вздоха. Такъ вотъ я хотѣлъ вамъ сказать лишь то, что если который-нибудь изъ васъ пожелаетъ

снюхаться съ трусами или войти съ ними въ переговоры, или даже зайнется о сдачѣ, то, клянусь Богомъ, я такому мерзавцу безъ разговоровъ пушу пулю въ лобъ. Въ случаѣ-же благоприятнаго для насъ исхода, каждый изъ васъ получитъ въ награду двойной годовой окладъ жалованья, но повторяю: кто замыслитъ что-нибудь дурное, тому не будетъ никакой пощады. Вы знаете, что я вѣренъ слову, и потому, зарубите все это себѣ на носу. Вотъ вамъ и весь сказъ! А теперь—маршъ на службу и не зѣвать!

Ясногорцы бодро направились въ укрѣпленія, оставивъ недовольныхъ съ носомъ, и старательно взялись за оборону. Кордецкий, узнавъ о случившемся, выразилъ сердечную благодарность Чарнецкому. Замойскій немного поморщился, такъ какъ онъ уже приготовилъ очень красивую рѣчь къ осажденнымъ, а тутъ вдругъ оказалось, что она не нужна. Вообще, неизсякаемая энергія Чарнецкаго, его чрезвычайно удачная ночная вылазка, скромное отношеніе къ своимъ заслугамъ и безавѣтная храбрость отчасти волновали Замойскаго не потому, что онъ завидовалъ своему товарищу, но ему досадно было, что ему до сихъ поръ не представлялось случая оказать болѣе существенныя услуги дѣлу обороны. Не разъ въ свободныя минуты, навѣщая жену, онъ былъ въ такой глубокой задумчивости, точно рѣшалъ самые запутанные міровые вопросы.

— Что за чортъ!—часто говаривалъ Замойскій,—вѣдь это положительно невозможно, чтобы я ничего не сдѣлалъ. Гдѣ что случится хорошаго, всюду онъ, всегда меня предупредитъ и точно проникаетъ въ мои мысли. Чуть я что-нибудь задумалъ, глядишь, а у него уже все готово. Такъ дальше продолжаться не можетъ! Я вѣдь главный начальникъ и долженъ самъ показать примѣръ своимъ подчиненнымъ, какъ въ знаніи, такъ и самоотверженіи.

Вотъ какія мысли волновали и по ночамъ не давали спать честному Замойскому.

XXI.

Шведы рѣшили бомбардировать монастырь съ южной стороны; здѣсь были главные ворота съ подъемнымъ мостомъ, и

въ этомъ мѣстѣ менѣе всего была защищена церковь. Миллеръ, исчерпавъ всѣ средства, постановилъ направить весь огонь на эту сторону и отчасти на юго-восточную, рассчитывая съ помощью канонады разрушить церковь вмѣстѣ съ часовней Пресвятой Дѣвы и такимъ образомъ ударить по самой слабой струнѣ монаховъ. Генералъ сильно надѣялся, что ясногорцы пожелаютъ охранить свою святыню отъ уничтоженія и поспѣшатъ едаться.

Монахи находились въ церкви на богослуженіи, когда раздался первые непріятельскіе выстрѣлы.

Миллеръ рассчитывалъ, что въ этомъ пунктѣ стѣны слабѣе и велѣлъ направить картауны такъ, чтобы снаряды подрывывали ихъ снизу и тѣмъ способствовали-бы къ паденію. Раздался страшный гулъ, однако, молитва въ церкви продолжалась.

Внезапно вверху послышался трескъ, непріятельское ядро попало въ крышу. Старики священники поблѣднѣли отъ страха, но въ присутствіи настоятеля, который спокойно молился, не осмѣлились бѣжать. Орудійный огонь съ каждой минутой все учащался, издали доносились крики и какой-то шумъ. Вдругъ вся церковь задрожала до самаго основанія. Всѣ монахи, исключая Кордецкаго, упали на полъ; шведское ядро, разбивъ окно, пролетѣло надъ головами молящихся и врѣзалось недалеко отъ главнаго алтаря; почти въ ту-же минуту въ стѣны храма вонзилось второе ядро. Произошло страшное смятеніе. Монахи съ криками ужаса кинулись къ выходу, отовсюду слышались восклицанія:

— Матерь Божья! Пресвятая Дѣва, помилуй насъ!

Кордецкій поднялся съ своего мѣста и, нисколько не потерявъ присутствія духа, преградилъ бѣглецамъ дорогу.

— Здѣсь вамъ быть, — торжественно проговорилъ онъ, — здѣсь у святаго алтаря, склоните предъ образомъ свои головы и вѣрьте, что безъ воли Всемогущаго съ вами ничего не случится.

Орудія гремѣли, съ церковной крыши падали кирпичи, доски, оконныя желѣзныя рамы съ трескомъ разлетались въ куски.

Среди непрерывнаго гула орудій и страшнаго разрушенія подъ сводами обстрѣливаемого храма раздался простой, но могучій и трогательный гимнъ «Святый Боже».

Монахи дрожащими голосами вторили своему настоятелю,

каждую минуту ожидая смерти, но непріятельскіе снаряды теперь летѣли или мимо или проносились надъ церковью.

Окончивъ гимнъ, монахи поспѣшили удалиться. Кордецкій вышелъ послѣднимъ и остановившись на паперти, погрузился въ глубокую задумчивость. Внезапно возлѣ него раздался встревоженный голосъ брата Павла.

— Отче, ворота!

— Ну, что? вѣдь не шведы же ворвались?

— Нѣтъ, но подъемный мостъ совершенно разрушенъ, кромѣ того, ядро попало въ башню и разбило нѣсколько мушкетовъ.

— Вѣроятно, они намъ не будутъ болѣе нужны, — холодно отвѣтилъ настоятель.

Замойскій уже осмотрѣлъ причиненное поврежденіе и старался отплатить шведамъ, энергично направляя на нихъ огонь изъ угловой башни.

Къ счастью, вредъ, произведенный бомбардировкой, не былъ такъ ужасенъ, какъ это сначала показалось. Стѣны въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дали значительныя трещины, но все же нигдѣ не обрушились. Шведы около полудня принуждены были прекратить огонь, такъ какъ ихъ громадные единороги и кулеверины, вслѣдствіе частой усиленной стрѣльбы, поглотили массу пороха, а между тѣмъ въ этомъ отношеніи приходилось соблюдать экономію.

Непріатели, основываясь на произведенныхъ ими удачныхъ выстрѣлахъ въ церковь и часовню, надѣялись, что канонада надлежащимъ образомъ воздѣйствовала на ясногорскихъ защитниковъ и съ минуты на минуту ждали желанныхъ парламентеровъ, но, увы, ожиданія оказались тщетными: никто изъ монастыря не явился. Шведы ожидали до вечера, но наступила ночь, а парламентеры такъ и не явились.

Но, увы, у осажденныхъ не было столько выносливости и отваги, какъ можно было предполагать. Утренняя канонада произвела на многихъ изъ нихъ сильное впечатлѣніе. Болѣе трусливые съ утра до ночи совѣщались съ своимъ вожакомъ Плазой, и вмѣсто того, чтобы сражаться, проводили время въ пьянствѣ и бесѣдахъ.

— Кордецкій, какъ священникъ, — сказалъ Плаза, — въ военномъ дѣлѣ ничего не понимаетъ; Замойскій теперь въ отчаяніи,

такъ какъ боится мести шведовъ, а о Чарнецкомъ нечего говорить, онъ даже полумертвый будетъ сражаться; словомъ, всѣ ослѣплены, возбуждены и не сознають того, что непріатели во всякую минуту могутъ взять штурмомъ Ясную Гору.

— Нечего долго разговаривать! — замѣтилъ какой-то шляхтичъ, — дѣло идетъ о нашей шкурѣ; мы пришли сюда ради безопасности, а не для того, чтобы намъ снесли головы; пусть насъ отсюда выпустятъ, или пусть сдаются!

— Ужъ если церкви не шадятъ, — слышались голоса, — такъ намъ и подавно не сдобровать.

— Къ настоятелю! къ настоятелю! — закричали всѣ, и толпой отправились искать Кордецаго. Шляхтичи застали его въ кельѣ. Услышавъ шумъ, настоятель понялъ въ чемъ дѣло и строго поглядѣлъ на прибывшихъ.

Плаза выступилъ изъ толпы и проговорилъ:

— Ваше высокопреподобіе! мы пришли спросить васъ, что вы думаете относительно обороны и на что рассчитываете? Въдѣ нѣтъ даже тѣни надежды на какое-нибудь подкрѣпленіе, непріатель овладѣлъ всей страной, надо спастись, надо согласиться на капитуляцію, такъ какъ нечего себя обманывать.... Все напрасно, отче, Польша погибла....

При этихъ словахъ лицо Кордецаго приняло холодное, суровое выраженіе.

— Вы, милостивые государи, — сказалъ онъ, — должно быть, слишкомъ утомлены трудами и лишеніями боевой жизни и потому легко поддаетесь отчаянію. Вы желаете возобновленія переговоровъ и капитуляціи, но чѣмъ мы гарантированы, что условія ея не будутъ нарушены черезъ нѣсколько дней? Шведы охотно даютъ обѣщанія, но не исполняютъ ихъ, чему можетъ служить краснорѣчивымъ примѣромъ Краковъ. Не настаивайте на сдачѣ, которая можетъ насъ только опозорить и унижить.

— Но, отче, — прервалъ Плаза, — здѣсь дѣло идетъ о насъ!

— Вовсе не о васъ, — отвѣтилъ настоятель, — прежде всего дѣло идетъ о святыхъ алтаряхъ, затѣмъ о насъ всѣхъ, а не только о васъ, и потому я не думаю сдаваться.

— Въ такомъ случаѣ, выпустите насъ и нашихъ женъ.

— Я не приглашалъ васъ въ монастырь, напротивъ, вы

сами напрашивались ко мнѣ, такъ и держитесь. Хотя, правду сказать, вы здѣсь больше мѣшаете, нежели помогаете, тѣмъ не менѣе, я не могу васъ выпустить, такъ какъ ваше постыдное бѣгство въ столь трудныя минуты встревожило бы лучшихъ, чѣмъ вы, людей, а также и нашъ гарнизонъ.

— Тогда мы будемъ принуждены....—замѣтилъ кто-то изъ шляхтичей.

— Сидѣть спокойно,—добавилъ Кордецкій,—и не отставать отъ другихъ въ оборонѣ! Запомните разъ на всегда, что я васъ не выпущу и не сдамся.

Все это было сказано такимъ рѣшительнымъ тономъ, что присутствующіе не нашли, что отвѣтить.

Въ эту минуту раздался колокольный звонъ.

— Я иду въ церковь,—быстро проговорилъ настоятель,—а потому, прошу васъ не задерживать меня.

Шляхтичи чрезвычайно сконфуженные поспѣшили удалиться. На дворѣ ихъ встрѣтили товарищи.

— Ну, что?—спросили они своихъ депутатовъ,—добились чего-нибудь?

— Добились головою, только и всего. Ого! съ Кордецкимъ разговаривать нельзя, — это гетманъ, а не настоятель. Приходится сидѣть смирно, такъ какъ съ нимъ шутить нельзя.

— Но что-же это будетъ? что съ нами будетъ? — восклицали женщины.

Трусовъ опять постигло неудача, и они молча разбрелись по своимъ угламъ.

XXII.

Поляки, перешедшіе на сторону шведовъ, но не принимавшіе участія въ осадѣ Ясной Горы, подчасъ не знали, что дѣлать отъ скуки. Они, точно сонные, бродили по своему лагерю, ѣли, играли въ кости, по цѣлымъ днямъ лежали въ своихъ палаткахъ, томясь отъ бездѣйствія или отправляясь къ ченстоховскимъ мѣщанамъ и пили съ ними медъ. Нѣкоторые изъ нихъ все это страшно надоѣло и они часто ух

дили въ окрестности, то на охоту за пушнымъ звѣремъ, то на рыбную ловлю. И вотъ однажды поляки отправились на берегъ ченстоховскаго пруда. Взявъ въ мѣстечкѣ у бѣдныхъ рыбаковъ сѣти и неводъ, они выбрали тихій укромный уголокъ, окруженный нѣсколькими покрытыми инеемъ деревьями. Закинувъ неводъ, поляки потянули его, но онъ еле тронулся; очевидно, попалось что-то крупное.

— Эге! это навѣрно не рыба,—сказали они,—надо дѣйствовать осторожно, а то лопнуть веревки.

— Ну-ка, посмотримъ что тамъ такое!

Пустили въ ходъ шесты, багры, и наконецъ, послѣ многихъ усилій, вытащили нѣсколько довольно большихъ бочекъ, которыя были плотно закрыты, осмолены и непомѣрно тяжелы. Любители-рыболовы съ помощью топоровъ вскрыли находку и въ ту-же минуту просто рты разинули отъ удивленія. Въ раскрытыхъ бочкахъ оказалась масса драгоцѣнныхъ серебряныхъ и золотыхъ церковныхъ сосудовъ... Воины значительно переглянулись и руки опустили.

— О! что-же мы хорошаго сдѣлали!—сказалъ одинъ изъ старшихъ.—Шведы подъ носомъ, всюду шлѣются шпионы, какъ тутъ быть? Сохрани Богъ взять церковные сосуды, отдать шведамъ еще хуже. Надо поскорѣе спрятать, а то бѣда, если провѣдаетъ Миллеръ.

Сказано-сдѣлано. Взяли подводу, уложили бочки и подъ конвоемъ немедленно отправили находку въ ближайшій приходъ къ священнику Рыхтальскому. На всякій случай оставили нѣсколько серебряныхъ вещей, чтобы какъ нибудь успокоить жаднаго Миллера.

Вѣсть о серебрѣ, несмотря на старанія поляковъ, быстро распространилась и дошла до генерала. Вейгардъ, узнавъ объ этомъ, сломя голову поскакалъ къ мѣсту находки, чтобы изъ чужого кармана заплатить Миллеру за всѣ перенесенныя имъ неудачи. Подѣхавъ къ берегу пруда, онъ увидѣлъ только мокрый неводъ, съ впутавшимися въ его петли водорослями и раковинами, и какой-то лопнувшій обручъ.

— Гдѣ же серебро? — раздались крики сопровождавшихъ графа шведовъ,—гдѣ серебро?

Бинулись къ полякамъ, но никто изъ нихъ не проронилъ

ни слова, серебро точно снова кануло въ воду. Настаивать шведамъ было неловко, такъ какъ они не желали показаться передъ своими союзниками слишкомъ жадными.

Генеральъ выразилъ свое неудовольствіе, гналъ гонца за гонцомъ, приказалъ выпытывать, слѣдить, но все было напрасно. Наконецъ полякамъ это надоѣло, и они рѣшили отдать оставленныя ими драгоценности. Трупскій и Зброжекъ доставили шведу нѣсколько сотъ небольшихъ серебряныхъ монетъ и нѣсколько старыхъ церковныхъ сосудовъ. Миллеръ бросился на добычу и хотя, разсмотрѣвъ немного, разочаровался, тѣмъ не менѣе не побрезгалъ и такимъ даромъ.

Ярошевскій поспѣшилъ сообщить монахамъ о случайно найденномъ серебрѣ и о томъ, что оно находится въ безопасности. Доложили о случившемся настоятелю, но тотъ принялъ извѣстіе совершенно равнодушно.

— Серебро меня нисколько не беспокоитъ, — сказалъ Бордецкій, — Богъ далъ, Богъ взялъ, лишь-бы только наши алтари не были осквернены нечестивцами.

Тѣмъ временемъ на совѣтѣ у Миллера рѣшено было предложить осажденнымъ перемиріе. Парламентръ поскакалъ въ монастырь и передалъ предложеніе настоятелю. Бордецкій, видя, что гарнизонъ, измученный непрерывными сраженіями, сильно нуждается въ отдыхѣ, послѣ нѣкотораго раздумья согласился на перемиріе.

Вейгардъ, узнавъ объ этомъ, явился къ Миллеру и тайно проговорилъ:

— Генераль, я составилъ кой-какой планъ.

— Если хорошій, то скажите.

— Монахи, — сказалъ онъ, точно не замѣчая насмѣшливаго тона Миллера, — чрезвычайно жадны и коростолобивы, а потому, пообѣщаемъ имъ отдать серебро, но только въ томъ случаѣ, если они сдадутся. Когда мы возьмемъ Ясную Гору, то съ избыткомъ вознаградимъ себя за эту потерю.

— Дѣйствительно, это, пожалуй, далеко не дурная ловушка, — пробормоталъ Миллеръ. — Но что-же дальше?

— Они говорятъ, что не могутъ передать крѣпость ино-вѣрцу; меня считаютъ чѣмъ-то въ родѣ отступника и также исключаютъ, а потому предложимъ имъ въ коменданты князя

Гесскаго. Намъ вѣдь надо только войти въ монастырь, а тамъ ужъ мы сдѣлаемъ все, что захотимъ.

— У васъ никогда не было недостатка въ планахъ, — съ иронической улыбкой отвѣтилъ генераль, — но настоящій превосходить всѣ прежніе. Итакъ, рѣшено. Мы заявимъ почтеннымъ отцамъ, что не желаемъ уничтожить ихъ святыни (вчерашняя бомбардировка церкви произошла по неосторожности); не прикоснемся даже къ чужой собственности, отдадимъ серебро и назначимъ комендантомъ Ясной Горы католика князя Гесскаго. Ну, если они и на такія условія не согласятся, такъ я уже не знаю...

— Нѣтъ! нѣтъ! — воскликнулъ Вейгардъ, — монахи навѣрно согласятся. Вѣдь не окончательно же обезумѣли они отъ нашихъ бомбардировокъ?

— Какже вы хотите, — смѣясь сказалъ князь Гесскій, — чтобы осажденные сдались, когда счастье на ихъ сторонѣ, къ тому еще они обладаютъ чарами, съ помощью которыхъ имъ удастся отражать нападенія десятитысячнаго шведскаго отряда.

— Чары! — съ гнѣвомъ воскликнулъ Миллеръ, — вы, князь, изволите смѣяться надо мной за то, что я въ нихъ вѣрю, но вѣдь развѣ происходящія передъ нашими глазами явленія понятны?

— Непонятныя явленія могутъ и не быть чарами.

— Шведскія войска никогда не терпѣли такихъ поражений, да при томъ отъ такой горсти воиновъ; не проходитъ дня, чтобы у насъ не было убитыхъ и раненныхъ, не считая лошадей и подбитыхъ орудій.

— Я того мнѣнія, что намъ слѣдуетъ распрощаться съ почтенными отцами и уйти на зимнія квартиры, — возразилъ князь Гесскій, — это было-бы умнѣе всего; для короля Карла Густава не представляетъ значенія одинъ какой-то жалкій заграничный замокъ, а между тѣмъ потеря столькихъ людей...

— Но вѣдь стыдно, князь.

— Стыдъ надо проглотить! — сказалъ князь Гесскій.

— Пусть его проглотитъ графъ, который насъ сюда привелъ, — отвѣтилъ Миллеръ.

Вейгардъ со смѣхомъ вышелъ изъ шатра.

На слѣдующій день шведы послали въ монастырь въ качествѣ парламентаря знакомаго монахамъ полковника Калинскаго. Ясногорцы были этимъ не особенно довольны, но нельзя же было не принять полковника, который явился къ нимъ въ роли друга, покровителя и посредника.

Калинскаго пригласили къ настоятелю и предложили ему вина. Въ келью пришли монахи; Замойскій и Чарнецкій не пожелали видѣться съ полковникомъ. Калининскій по обыкновенію лавировалъ, ходилъ кругомъ да около, переходилъ отъ одной темы къ другой, восхваляя Миллера, преклоняясь передъ Карломъ Густавомъ, умиляясь добротой Вейгарда, и наконецъ, послѣ всѣхъ этихъ предисловій, приступилъ къ дѣлу. Какъ человѣкъ относящійся съ уваженіемъ къ безкорыстію, хотя самъ не обладавшій этимъ качествомъ, онъ началъ съ серебра. Настоятель слегка улыбнулся.

— Относительно серебра, — сказалъ онъ, — мы спокойны, оно находится во власти польскаго отряда, состоящаго подъ вашимъ начальствомъ, а потому ему, безъ сомнѣнія, не угрожаетъ опасность. То-же, что попало въ руки Миллера, врядъ ли будетъ спасено, но это не бѣда.

— Генераль вернетъ рѣшительно все.

— Во истину со стороны генерала это замѣчательное великодушіе возвратить намъ нашу собственность, — съ насмѣшкой сказалъ Кордецкій.

— Военная добыча, — замѣтилъ полковникъ.

— Не знаю, можетъ-ли то, что принадлежитъ церкви, считаться военной добычей. Впрочемъ, пусть тѣшится: ему это не впервые.

— Но Миллеръ, кромѣ того, предлагаетъ вамъ чудныя условія; невозможно допустить, отче, чтобы вы ихъ не приняли. Побойтесь Бога и не губите себя... Генераль предлагаетъ вамъ въ качествѣ коменданта князя Гесскаго, ручается за цѣлость собственности, ручается...

— А кто поручится за Миллера? — тихо спросилъ Кордецкій.

— Какъ! вы и ему не вѣрите?

— Обратите вниманіе, господинъ полковникъ, на то, что происходитъ въ Польшѣ, и не удивляйтесь моему вопросу.

Виттенбергъ поважѣе Миллера, онъ главный начальникъ шведскихъ войскъ, однако, что сдѣлалъ съ Браковомъ? Спросите Вольфа, и онъ вамъ расскажетъ, какъ отнеслись шведы къ данной ими присягѣ.

Калинскій смутился и глубоко вздохнулъ.

— Да!—проговорилъ онъ,—тяжело подчиняться волѣ побѣдителя, но что-же дѣлать,—судьба!

— Не говорите этого, —возразилъ настоятель, —участь наша не рѣшена. Польша воспрянетъ, сразить врага и будетъ опять свободна.

— Дай Богъ!—воскликнулъ полковникъ, —но можетъ-ли это быть?

— Будетъ, —съ увѣренностью сказалъ монахъ.

Вопарилось минутное молчаніе.

— Какой же отвѣтъ вы дадите Миллеру?—спросилъ Калинскій.

— Передайте ему то, что онъ уже много разъ слышалъ: мы останемся вѣрны законному королю, наша безопасность касается только насъ, крѣпость принадлежитъ намъ и только мы одни можемъ быть въ ней хозяевами. Впустивъ сюда иностранный горнизонъ, мы превратимъ Ясную Гору въ стратегическій пунктъ, а это несогласно съ назначеніемъ нашей святыни. Если когда-нибудь дѣло дойдетъ до капитуляціи, въ чемъ я сомнѣваюсь, —добавилъ настоятель, —мы тогда потребовали бы назначенія комендантомъ поляка, да и то такого, котораго мы сами выбрали-бы. Что-же касается серебра, то вы, господинъ полковникъ, лучше, чѣмъ кто нибудь, знаете, что оно въ безопасности, такъ какъ находится въ рукахъ поляковъ и католиковъ и мы вполне довѣряемъ ихъ чести.

— Меня печалитъ ваша участь, —проговорилъ Калинскій, —но, дѣлать нечего, такъ какъ васъ не переубѣдишь.

— Да, невозможно, —рѣшительно повторилъ Кордецкій, —мы хотимъ показать примѣръ, какъ служителямъ алтаря, такъ всѣмъ сынамъ нашей родины, и готовы умереть за вѣру, короля и отечество!

— Миллеръ поклялся взять Ясную Гору.

— Мы въ свою очередь поклялись защищать ее до послѣдней капли крови, до послѣдняго вздоха.

— А знаете-ли вы, что онъ подводить мину и хотеть взорвать монастырь на воздухъ?

— Пусть будетъ такъ, какъ Богъ захочетъ!—съ твердостью отвѣтилъ монахъ.

Калинскій, видя, что все напрасно, тотчасъ удалился и доложилъ о результатѣ посольства Миллеру. Отвѣтъ осажденныхъ удивилъ его и опечалилъ.

— До завтра,—прошепталъ онъ тихо.

Оставшись одинъ, генералъ погрузился въ задумчивость. Все, что онъ пережилъ подъ Ясной Горой, казалось ему какимъ-то страннымъ сномъ, рядомъ фантастическихъ видѣній; вся эта осада, непрерывныя сраженія съ горстью героевъ, страшныя канонады, безплодныя усилія, неудачные переговоры, во всемъ происшедшемъ было столько непонятнаго, чудеснаго, что даже его трезвый, холодный умъ склонился подъ тяжестью непостижимыхъ явленій.

— Чары!—повторялъ онъ, нервно прохаживаясь взадъ и впередъ.—Да развѣ только чары? Здѣсь дѣйствуетъ какая-то таинственная сила! Просто съ ума сойти можно.

Миллеръ позвалъ офицера, завѣдывавшаго работами по проведенію мины.

— Пришли изъ Олькуша рабочіе?

— Пришли, генералъ.

— Подводить мину съ сѣверной стороны, гдѣ указано, при рабочихъ поставить стражу.

— Скала очень твердая, работа медленно подвигается.

Миллеръ махнулъ рукой.

— Если работа окажется трудной, увеличить число рабочихъ, послать въ окрестныя деревни за крестьянами.

— Въ подкопѣ одновременно не можетъ быть много людей.

— Тогда одновременно подводить нѣсколько минъ съ сѣверо-восточной и сѣверной сторонъ, а также противъ главной башни...

Офицеръ удалился.

— О, если-бы это были не монахи, а солдаты,—воскликнулъ генералъ,—мнѣ тогда легче было-бы примирить ся съ постигшими насъ неудачами... Но отступить съ позоромъ при данныхъ обстоятельствахъ, отступить въ такой моментъ, ког-

да вся Польша начинает просыпаться и пытается разорвать свои узы! Нѣтъ! нѣтъ! мы должны взять крѣпость и разнести въ пухъ и прахъ святыню язычниковъ, гнѣздо чародѣевъ!... Силой, измѣной, ядрами, минами я во что бы то ни стало возьму Ясную Гору, хотя бы мнѣ пришлось добыть ее цѣною жизни половины моего войска!

XXIII.

Съ высоты монастырскихъ стѣнъ осажденные ясно видѣли, какъ шведы трудились надъ подкопомъ для подведенія мины. Работы это производили тяжелое впечатлѣнiе на многихъ защитниковъ, но теперь даже самые робкіе изъ нихъ не рѣшались просить настоятеля сдаться на капитуляцію. Болѣе всего тревожились женщины, при всякомъ гулѣ имъ казалось, что онѣ уже взлетаютъ на воздухъ. Нѣкоторые переселились съ сѣверной стороны монастыря поближе къ церкви и воротамъ и не спали по цѣлымъ ночамъ.

Миллеръ посылалъ солдатъ къ самымъ стѣнамъ, чтобы они пугали осажденных предстоящимъ взрывомъ.

— Если черезъ два дня не сдадитесь, — кричали солдаты, — то монастырь вмѣстѣ съ вами взлетитъ на воздухъ!

Настоятель старался успокоить встревоженныхъ ясногорцевъ и возбуждалъ въ нихъ мужество пылкими рѣчами, а болѣе всего дѣйствовалъ на свою паству личною твердостью и самоотверженіемъ. Замойскій, которому лавры храбраго Чарнецкаго не давали покоя, какъ-то загадочно промолвилъ:

— Ничего, ничего, быть можетъ, завтра все уладится.

— Что вы хотите этимъ сказать? — съ любопытствомъ спросилъ Чернецкій.

— Позвольте, пусть это до завтра останется тайной; положитесь на меня...

Настоятель согласился; Чарнецкаго немного раздосадовала такая таинственность, но что было дѣлать съ упрямцемъ? Шляхтичъ закрутилъ свои молодецкіе усы и, по обыкновенію, глубоко вздохнулъ.

Между тѣмъ, находящіяся въ монастырѣ женщины не давали покоя Кордецкому. Гдѣ-бы онъ ни показался, тотчасъ его окружали жены, дочери и родственницы шляхтичей и со слезами умоляли пощадить ихъ.

— Отче! — говорили онѣ, — не губи насъ и дѣтей нашихъ! Шведы подводятъ мины, мы всѣ пропадемъ!

Съ мужчинами настоятель не церемонился-бы, но съ женщинами приходилось дѣйствовать мягче. Встрѣтивъ эту плачущую толпу возлѣ церкви, Кордецкій сказалъ:

— Дѣти мои, слышали-ли вы когда-нибудь, чтобы непріятель, дѣйствительно сознающій свою силу, передъ тѣмъ, какъ дѣйствовать, старался-бы запугивать своего противника? Вы сами можете сообразить, что шведы именно потому-то насъ и пугаютъ, что имъ не удастся подвести мину. Монастырь стоитъ на скалѣ, враги не смогутъ пробить ее и уйдутъ со стыдомъ... Не тревожьтесь, не плачьте, не опасайтесь! Вамъ, какъ полякамъ, не подобаетъ такъ поддаваться отчаянію, напротивъ, вы должны поддерживать своихъ мужей и братьевъ, воспламенить въ нихъ мужество и горячую любовь къ родинѣ.

— Горе намъ! мы погибнемъ! — слышались голоса.

— Неужели вы думаете, — продолжалъ настоятель, — что насъ спасетъ капитуляція? Ничуть! Спросите тѣхъ, что довѣрились шведамъ, насколько можно полагаться на ихъ обѣщанія. Итакъ, прошу васъ, не вмѣшивайтесь не въ свое дѣло, предоставьте намъ обо всемъ заботиться, молитесь и благодарите Бога за данное вамъ убѣжище.

Женщины нѣсколько успокоились, и Кордецкій, воспользо-вавшись этимъ, быстро удалился.

Тѣмъ временемъ въ укрѣпленіи происходили какія-то тайныя приготовления. Чарнецкій, сильно заинтригованный, старался узнать, въ чемъ дѣло, но тщетно. Какъ на зло, солдаты у него подъ носомъ суетились, бѣгали, чистили оружіе и перешептывались.

— Что за безобразіе, — про себя говорилъ шляхтичъ, — неужели и мнѣ не довѣряютъ? Очевидно, солдаты къ чему-то готовятся и скрываютъ отъ меня какую-то тайну!

Замойскій, между тѣмъ, былъ необыкновенно оживленъ и веселъ. Стянутый панцыремъ, въ великолѣпномъ шлемѣ, онъ

тихо давалъ какія-то приказанія и поминутно перебѣгалъ отъ бастиона къ бастиону.

Наконецъ Чарнецкій не выдержалъ, и, поймавъ Замойскаго на банкетѣ, схватилъ его въ объятія и проговорилъ:

— Господинъ Замойскій, довольно этого; вчера вы что-то процѣдили сквозь зубы, сегодня вижу какія-то приготовленія и до сихъ поръ не знаю, въ чемъ дѣло. Когда же этому будетъ конецъ? Развѣ вы перестали мнѣ довѣрять? Объяснитесь, не то мы въ самомъ дѣлѣ поссоримся!

— Другъ мой,—съ улыбкой отвѣтилъ Замойскій,—вы все хотѣли бы сдѣлать сами. Справедливо-ли это? Позвольте-же и мнѣ въ свою очередь что-нибудь обдумать и осуществить; мнѣ такъ-же, какъ и вамъ, хочется показать, что я не даромъ здѣсь вѣмъ ченстоховскій хлѣбъ.

— Такъ, по вашему, мнѣ, значить, надо сидѣть сложа руки? Кажется, и я могу на что-нибудь пригодиться.

— Слѣдовательно, вы непремѣнно хотите, чтобы я вамъ сказалъ? Хорошо, я скрывать не думаю, но заранѣе предупреждаю, что вы безусловно должны остаться въ укрѣпленіи.

— Ого! вы, значить, намѣрены куда-то отправиться? Теперь я начинаю догадываться...

— Я рѣшилъ сдѣлать вылазку.

— Какъ? днемъ?

— Именно днемъ,—съ нѣкоторымъ торжествомъ проговорилъ Замойскій.

Чарнецкій какъ-то печально понурилъ голову и послѣ минутнаго молчанія спросилъ:

— Отецъ настоятель знаетъ о вашемъ намѣреніи?

— Нѣтъ еще; боюсь только, какъ-бы онъ не воспротивился. Я выбралъ отважныхъ людей и думаю тотчасъ послѣ полудня двинуться.

— Неужели безъ меня?—нѣсколько разъ повторилъ Чарнецкій.

— Тутъ причина та-же самая, по какой вы не взяли меня съ собой во время своей вылазки. Согласитесь, нельзя же намъ обоимъ идти, такъ какъ, въ случаѣ нашей гибели, кто будетъ защищать монастырь? Будьте справедливы, вы свое уже сдѣлали, такъ позвольте и мнѣ попробовать крѣпость шведскихъ головъ.

— Что и говорить! — съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ замѣтилъ Чарнецкій, — прекрасно обдуманно, но не принять меня въ число участниковъ предстоящаго пира — нехорошо, дружище, не по товарищески.

Замойскій крѣпко обнялъ его и промолвилъ:

— Простите и не сердитесь; вы лучше, чѣмъ кто-нибудь другой, понимаете, каково сидѣть въ укрѣпленіи, все время издали смотрѣть на шведовъ, постоянно стрѣлять въ нихъ и не имѣть возможности схватиться съ ними въ рукопашную! Вы уже свое сдѣлали.

— Да, но когда это было! — воскликнулъ Чарнецкій. — Къ тому-же я произвелъ вылазку ночью, намъ пришлось прокрадываться къ шведскому стану во тьмѣ, какъ разбойникамъ, а вы днемъ. Нечего сказать, соотряпали вы мнѣ штуку, а я, старый дурень, даже не догадался.

Замойскій потиралъ руки и весело смѣялся, радуясь, точно юноша, предстоящей опасности, но товарищъ его былъ нѣсколько обиженъ, хотя старался скрыть свое неудовольствіе.

Въ эту минуту къ нимъ подошелъ настоятель и внимательно поглядѣлъ на обоихъ друзей.

— Что съ вами, господинъ Чарнецкій? — проговорилъ онъ ласково. — Вы что-то хмуритесь, тогда какъ товарищъ вашъ, наоборотъ, необыкновенно веселъ.

— Не удивительно! Онъ устраиваетъ великолѣпный балъ, а между тѣмъ меня почему-то не приглашаетъ. Вся моя надежда на васъ, отче, быть можетъ, вы мнѣ поможете.

— Ого! что же случилось?

— Спросите-ка его самого, что онъ замышляетъ.

Замойскій подошелъ къ настоятелю и, добродушно улыбаясь, проговорилъ:

— Я немного подшутилъ надъ господиномъ Чарнецкимъ; видите-ли, отче, ему бы все самому хотѣлось сдѣлать, а между тѣмъ, тутъ кой-что устроилось безъ него; вотъ онъ по-этому недоволенъ. Но, согласитесь, нельзя же быть такимъ завистливымъ!

— Скажите, ради Бога, въ чемъ дѣло? — спросилъ Кордецкий. — Я пока ничего не понимаю.

— Ну, такъ и быть, открою вамъ тайну, дольше скрывать незачѣмъ. Дѣло заключается въ томъ, что сегодня въ полдень я намѣренъ произвести вылазку, люди готовы, все, какъ слѣдуетъ, обдуманно, мы постараемся неожиданно напасть на шведовъ, занятыхъ подкопомъ, быть можетъ, прорваться къ орудіямъ; заклепать ихъ, какъ въ свое время сдѣлалъ господинъ Чарнецкій, изрубимъ, кто подвернется подъ руку и затѣмъ вернемся обратно.

Настоятель былъ пораженъ такимъ смѣлымъ планомъ, а Чарнецкій, ероша свои усы, тихо повторялъ:

— Вотъ извольте-ка радоваться, днемъ и безъ меня!

— Но вѣдь это чрезвычайно рискованно! — воскликнулъ Кордецкий, — вы можете погубить и себя и всѣхъ воиновъ!

— Вы, отче, напрасно только будете меня отговаривать, все готово, рассчитано до мельчайшихъ подробностей, и случится такъ, какъ я говорю. Шведы вовсе не ожидаютъ вылазки, и поэтому самому она удался; вотъ увидите, что все обойдется благополучно.

— Эхъ, господинъ Замоискій, прежде чѣмъ рѣшиться, хорошенько подумайте.

— Я уже думалъ, и теперь надо осуществить обдуманное.

— А вы, отче, примите во вниманіе еще то, — замѣтилъ Чарнецкій, — что они меня не хотятъ взять съ собой.

— Невозможно, дорогой другъ, насъ обоихъ могутъ убить или взять въ плѣнъ, а въ такомъ случаѣ кто же будетъ руководить обороной?

— Обоихъ не пущу! — рѣшительно прервалъ Кордецкий, — это напрасно!.. Довольно того, что одинъ рѣшается подвергнуть себя такой страшной опасности! Но пожалѣйте себя и насъ, господинъ Замоискій, подумайте еще...

— Все рассчитано и обдуманно.

— А вдругъ шведы...

— Не расхолаживайте меня, — прервалъ Замоискій, — я уже давно насидѣлся среди этихъ стѣнъ и ни въ какомъ случаѣ не откажусь отъ своего плана.

Настоятель поднялъ глаза къ небу, вздохнулъ и съ умиленіемъ обнялъ Замоискаго.